

— Селин! — растерянно позвал Селоя. Напрочь позабыв о легком покалывании в пальце, он поспешно отдернул руку и подбежал к ней. С тревогой заглядывая девушке в лицо, он спросил: — Что с тобой? Что-то случилось? Зачем ты прячешь лицо?

Селин не спешила убирать ладони, лишь замахала свободной рукой, беззвучно показывая, что с ней все в порядке.

Деровиэль быстро сообразил, в чем дело. Покосившись на замершую игрушечную заводную птицу, он усмехнулся:

— Селин, я ведь предупреждал: не разбрасывай свои поделки где попало. Особенно те, что мастерила в период подросткового бунта. Рано или поздно тебе самой станет за них неловко.

Селин глубоко вздохнула и наконец опустила руки. Ее щеки, нос и уши полыхали пунцовым румянцем.

— И вовсе я не жалею! — упрямо возразила она. — С чего бы мне жалеть? Ну, смутилась немного с непривычки, подумаешь! У кого в юности глупостей не было? Ты посмотри на эту птичку: какой джентльмен, какой вежливый, как сладко поет! Тебе до него расти и расти.

С этими словами она опустилась на корточки, чтобы оказаться вровень с Селоей, и с надеждой заглянула ему в глаза, ища поддержки:

— Селоя, скажи ему. Ведь правда же птичка — прелесть?

Селоя перевел взгляд с одного на другого, кажется, уловив суть их спора. На его лице расплылась широкая улыбка. Он согласно закивал и, не скупясь на похвалу, радостно подтвердил:

— Да, птичка просто чудесная! Он так красиво танцует и наговорил мне столько приятных слов. Назвал меня маленьким милахой!

На его пухлых щечках проступил нежно-розовый румянец — малыш явно смутился от столь щедрых комплиментов.

Деровиэль не стал спорить с Селин. Бросив короткий взгляд на часы, он о чем-то задумался, после чего наклонился, сгреб Селую в охапку и слегка пощупал его животик, оценивая, насколько тот пуст.

— Уже пятый час. Проголодался?

Селоя прислушался к себе и действительно почувствовал легкую пустоту внутри. Он накрыл

ладонью руку Деровиэля, погладил собственный животик и, словно вынося окончательный вердикт, убежденно закивал.

— Я проверил, Дери! Совсем чуть-чуть, вот самую капельку хочется есть. Но мы можем пообедать и попозже.

Деровиэль усмехнулся. Неся мальчика на руках, он направился к выходу из кабинета, по пути лениво поддразнивая его:

— Даже если чуть-чуть, терпеть не нужно. А то, сдастся мне, твой живот опять заведет свои серенады.

Сгорая от стыда, Селоя вскинул руку и ладошкой зажал Деровиэлю рот. Он уставился на него сердитым взглядом, забавно надув щеки.

— Дери, прекрати! — недовольно буркнул он. — Это очень, очень стыдно!

— Вот как? — Деровиэль едва заметно шевельнул пальцами, отправляя поварам приказ подавать на стол. А вслух невинно поинтересовался: — И что же тут стыдного? Кто тебе такую глупость внушил?

Селоя прикусил губу и обиженно запыхтел:

— Никто не говорил... Но все ведь вели себя именно так!

Малыш приуныл и, уткнувшись носом в плечо Деровиэля, тихонько пожаловался:

— Как-то раз, во время большого праздника, я весь день ходил голодным. Живот так сильно сводило... Но никто не говорил, где можно взять еду. Я пытался спрашивать у других, но меня все игнорировали. Пришлось терпеть. В конце концов я просто не выдержал, голод взял свое, и в животе раздалось громкое урчание. Тогда все обернулись и уставились на меня... Ну, ты понимаешь, таким странным, оценивающим взглядом. Они молчали, но мне было так паршиво.

Он вздохнул и добавил:

— Вот поэтому это стыдно. Все вокруг стоят такие правильные, и только ты один позоришься.

Деровиэль изогнул бровь. Опустив Селоя на стул, он усадил его поудобнее и заглянул прямо в глаза.

— По-твоему, урчание в животе — это преступление против природы, или ты судишь об этом

лишь по чужим косым взглядам? — спросил он.

Селоя напрягся и робко выпрямил спину. Невольно ковыряя пальчиком край резного стула, он нерешительно произнес:

— Наверное... все-таки из-за того, что подумали другие.

И принялся серьезно разъяснять:

— Ведь если подумать, не есть целый день и проголодаться — это совершенно естественно. И то, что в животе заурчало, тоже нормально. Но они все смотрели на меня так... словно я какое-то ничтожество, мусор под ногами.

— Ну вот видишь, все предельно просто, — Деровиэль накрыл ладонь мальчика своей, мягко мешая ему портить мебель. — Будь собой. В твоих действиях не было ничего предосудительного. Просто остальные либо побоялись признаться в голоде, либо оказались чуть терпеливее. Испытывать голод — это естественно для любого живого существа. Если знаешь, что ты прав, этого вполне достаточно.

Повелитель Гордыни многозначительно добавил:

— Порть нервы окружающим, а не изводи себя напрасными сомнениями.

Селоя удивленно округлил глаза. Звучало чертовски убедительно, но в то же время как-то... неправильно? Прежде чем он успел распутать этот мысленный узел, боковая дверь бесшумно отворилась. В комнату торопливо вошла вереница низкорослых существ. Ловко расставив дымящиеся блюда на столе, они так же стремительно исчезли под любопытным взглядом Селой.

— Это дворфы? — с любопытством спросил мальчик.

Деровиэль с аристократичной неторопливостью снял крышку с одного из блюд, оценил аромат и кивнул, подзывая Селую к себе.

Мальчик послушно подошел ближе, доверчиво склонив голову и открывая взгляду Деровиэля незащитную белоснежную шею.

Деровиэль на мгновение помедлил. Потянувшись за слюнявчиком, он случайно задел плечо ребенка мягкой завязкой. Селоя от щекотки смешно втянул голову.

— Не вертись, — вполголоса приструнил его Деровиэль. Он аккуратно обернул тесьму вокруг шеи мальчика и не торопясь завязал безупречный бант. Осмотрев свою работу, он с

удовлетворением отстранился.

Селоя повел плечами и с любопытством потрогал узел сзади, но не успел толком разобраться, как в его ладошки настойчиво вложили столовые приборы.

Он тихонько охнул и растерянно уставился на мужчину.

Деровиэль, приподняв бровь, принялся изящно резать мясо в своей тарелке. На его губах заиграла насмешливая улыбка:

— Чего замер? Хочешь, чтобы я тебя с ложечки кормил?

Густо покраснев, Селоя поспешно опустил голову и принялся неумело терзать еду ножом и вилкой. Движения его были крайне неуклюжими, но из упрямства он упорно отказывался просить о помощи этого ехидного Короля демонов.

Цельный кусок сочного мяса под его натиском кое-как развалился на кривые, неровные ломти.

Но тут возникла новая сложность. Селоя озадаченно уставился на результат своих трудов. Перехватив вилку поудобнее, он прицелился и с усилием вонзил ее в кусок, надеясь подцепить его.

Однако мясо упрямо осталось лежать на тарелке, обзаведясь лишь аккуратным рядом дырочек.

Мальчик нахмурился, с величайшей серьезностью изучая эти проколы, словно перед ним стояла сложнейшая математическая задача. Время от времени он украдкой косился на тарелку Деровиэля, пытаясь подсмотреть, как это делает взрослый, и свято веря, что его шпионаж остается незамеченным.

Деровиэль с явным удовольствием понаблюдал за этими умильными мучениями. Лишь когда на кончике курного носа Селой от усердия выступили крошечные капельки пота, демон смиловился. Он протянул руку, взял со стола ложку и протянул её приунывшему ребенку.

— Не получается наколоть — возьми ложку. Ею-то справишься?

Селоя надул губки и, забавным жестом забрав ложку, капризно фыркнул:

— ДERO просто издевается надо мной!

— Ну что ты, и в мыслях не было, — деланно удивился Деровиэль, качая головой. — Ты ведь сам не просил о помощи. Сказал бы хоть слово — я бы сразу дал тебе ложку. Я просто верил в твои силы.

Он выдержал паузу и поинтересовался:

— Так как нужно поступить в следующий раз?

Селоя ловко зачерпнул кусочек мяса и без запинки отрапортовал:

— Сразу сказать Деро и не упрямитесь!

С этими словами он наконец отправил добычу в рот.

Нежнейшее, сочащееся ароматным соком мясо буквально таяло на языке. Глаза мальчика мгновенно засияли от восторга. Он принялся усердно жевать, отчего его щека забавно округлилась, делая его похожим на хомячка.

Глянцево поблескивающее на свету блюдо маняще пахло. Деровиэль вдруг поймал себя на мысли, что привычные кушанья, которые он ел изо дня в день, кажутся сейчас необычайно аппетитными. Не сдержавшись, он тоже принялся за еду. Ломтик за ломтиком — и вскоре его тарелка опустела, оставив после себя давно забытое, приятное чувство сытости.

Он молча промокнул губы шелковым платком и вновь взглянул на Селю, который с сияющими глазами продолжал уписывать обед за обе щеки. Внутри шевельнулось странное чувство: демону показалось, что он и сам не прочь съесть еще порцию-другую, просто глядя на этот детский аппетит.

Откуда ни возьмись в столовой объявилась Селин. Увидев пустую тарелку владыки, она изумленно приподняла брови и лениво протянула:

— Ого, невиданное зрелище! Не знала бы тебя так хорошо, подумала бы, что тебя морили голодом последнюю неделю.

Деровиэль задумчиво постучал пальцами по столу. В его взгляде, прикованном к Селю, тоже сквозило легкое недоумение. Он и сам пытался разгадать, какой скрытой силой обладает этот ребенок, раз сумел так легко расшевелить его вечно безучастный аппетит.

Селоя тем временем широко разинул рот и — ам! — отправил туда очередной приличный кусок. Когда он поднял голову, на лице его блуждало блаженство. От удовольствия он даже принялся весело болтать ногами под столом.

Заметив, что взрослые не сводят с него глаз, мальчик растерянно потрогал щеку, думая, что испачкался соусом. Но пристальные взгляды не прекратились. Тогда он прищурился и попытался проследить за их направлением. Обнаружив, что они смотрят на его тарелку, он на мгновение задумался, а затем его лицо озарила догадка.

«Должно быть, Селин и Деро не наелись, но им неловко попросить добавки!»

Он щедро отложил ложку и обеими руками придвинул свою тарелку поближе к ним, искренне предлагая:

— Угощайтесь!

Селин не сдержалась и весело прыснула, легонько щелкнув мальчика по кончику носа:

— Какой же наш Селоя заботливый! И кушает сам, и с друзьями делится. Но мы уже сыты, честное слово, так что кушай на здоровье. Сам-то наелся?

Селоя недоверчиво сощурился, переводя взгляд с одного на другого. Убедившись, что они не шутят, он с облегчением придвинул тарелку обратно к себе и с новыми силами принялся за еду.

— Пожалуй, в меня поместится еще капелька, — пробормотал он с набитым ртом.

Обед завершился тем, что живот Селой округлился, напоминая спелый арбуз.

Селин всплеснула руками, бережно сняла мальчика со стула и, легонько похлопав по надутому животику, шутливо протянула:

— Надо же, какой у нашего Селой аппетит! Настоящий пузатенький поросенок!

Смутившись, Селоя поспешно прикрыл живот ладошками и с предельно серьезным видом возразил:

— Вовсе я не объелся! Просто все было такое невероятно вкусное. А оставлять еду на тарелке — это неуважение к труду повара. Каждая крошка священна!

Деровиэль небрежно взмахнул рукой, и грязная посуда мгновенно растаяла в воздухе. Он не спеша вытер пальцы салфеткой, привычным движением перехватил мальчика из рук Селин и поддразнил:

— Как ни оправдывайся, а кушаешь ты за двоих, маленький обжора. Впрочем, сколько бы ты ни

съел, у меня золота хватит, чтобы прокормить целую ораву таких прожорливых ангелочков.

Взглянув на сгущающиеся сумерки за окном, он обратился к Селин:

— Его комната готова?

Селин закатила глаза и фыркнула:

— Обижаешь. Я распорядилась все подготовить, как только мы переступили порог Дворца демонов. Не впервой ведь, опыт имеется.

— Ну-ну, — усмехнулся Деровиэль, направляясь к выходу. — Напомнить тебе, на ком ты тренировалась и сколько раз при этом садилась в лужу?

Селоя мало что понял из их пикировки. Он лишь вертел головой по сторонам, выискивая взглядом дверь, за которой могла скрываться его новая спальня. Но любопытство взяло верх, и он, набравшись смелости, тихо спросил:

— Деро, а почему мне нельзя спать в твоей комнате?

Деровиэль на мгновение задумался, подбирая довод, против которого у мальчика не нашлось бы возражений:

— Потому что ты еще ребенок. Чтобы вырасти большим и сильным, тебе нужно много спать. А я ложусь очень поздно, часто работаю по ночам и буду только мешать тебе отдыхать. Собственная комната — это ведь здорово, разве нет?

И завлекательно добавил:

— Сможешь обустроить ее как захочешь. И никто не посмеет войти туда без твоего разрешения.

Селоя упрямо мотнул головой и посильнее зарылся носом в его грудь, капризно пробормотав:

— И все равно я хочу быть с тобой, Деро...

В груди у Деровиэля вновь потеплело. Он подумал, что, возможно, засыпать не одному — не такая уж и плохая затея. И прежде чем разум успел взвесить все «за» и «против», язык озвучил спонтанное решение:

— Хорошо. Раз в неделю я буду ночевать у тебя.

Селоя радостно пискнул, едва не подпрыгнув в его руках.

И пути назад уже не было — Деровиэль поймал себя на мысли, что совершенно не жалеет о сказанном.

Быстрым шагом он направился к приготовленной для Селои детской, бережно прижимая мальчика к себе и храня молчание. Демон смутно осознавал: этот ребенок обладает какой-то необъяснимой, пугающей силой, заставляющей его, хладнокровного повелителя, раз за разом совершать глупые, импульсивные поступки.

Пытаясь разобраться в собственных мыслях, он упустил из виду нечто действительно важное.

Прямо у порога спальни дорогу ему преградила Селин. На ее лице застыло крайнее беспокойство.

— Деровиэль, постой, — тревожно шепнула она. — С Селоей что-то не так. Ему нехорошо.

Деровиэль мгновенно очнулся от своих мыслей и опустил взгляд.

Мальчик лежал на его руках, сжавшись в комочек. Личико его побледнело, лоб покрылся крупными каплями холодного пота. Стоило их глазам встретиться, как из глаз Селои брызнули слезы, и он жалобно, из последних сил простонал:

— Дери... мне так больно... Все тело горит и чешется...

<http://bllate.org/book/20120/1998263>